

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ. ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

* * *

Темным зовам не верит душа,
Не летит встречу призракам ночи.
Ты, как осень, ясна, хороша,
Только строже и в ласках короче.

Потянулись с криком в отлет
Журавли над потусклой равниной.
Как с природой, тебя эшафот
Не разлучит с родимой кручиной.

Не однажды под осени плач
О тебе - невозвратно далекой
За разгульным стаканом палач
Головою поникнет жестокой.
<1912>

* * *

Мне сказали, что ты умерла
Заодно с золотым листопадом
И теперь, лучезарно светла,
Правишь горным, неведомым градом.

Я нездешним забыться готов,
Ты всегда баснословной казалась
И багрянцем осенних листов
Не однажды со мной любовалась.

Говорят, что не стало тебя,
Но любви иссякаемы ль струи:
Разве зори - не ласка твоя,
И лучи - не твои поцелуи?
<1913>

* * *

Есть две страны; одна - Больница,
Другая - Кладбище, меж них
Печальных сосен вереница,
Угрюмых пихт и верб седых!

Блуждая пасмурной опушкой,
Я обронил свою клюку
И заунывною кукушкой
Стучусь в окно к гробовщику:

"Ку-ку! Откройте двери, люди!"
"Будь проклят, полуночный пес!
Кому ты в глиняном сосуде
Несешь зарю апрельских роз?!"

Весна погибла, в космы сосен
Вплетает вьюга седину..."
Но, слыша скрежет ткацких кросен,
Тянусь к зловещему окну.

И вижу: тетушка Могила
Ткет желтый саван, и челнок,
Мелькая птицей чернокрылой,
Рождает ткань, как мерность строк.

В вершинах пляска ветродуев,
Под хрип волчицыной трубы.
Читаю нити: "Н. А. Клюев, -
Певец олонецкой избы!"
25 марта 1937

* * *

В златотканые дни сентября
Мнится папертью бора опушка.
Сосны молятся, ладан куря,
Над твоей опустелой избушкой.

Ветер-сторож следы старины
Заметает листвою шелестящей.
Распахни узорочье сосны,
Промелькни за березовой чашей!

Я узнаю косынки кайму,
Голосок с легкой походкой...
Сосны шепчут про мрак и тюрьму,
Про мерцание звезд за решеткой,

Про бубенчик в жестоком пути,
Про седые бурятские дали...

Мир вам, сосны, вы думы мои,
Как родимая мать, разгадали!

В поминальные дни сентября
Вы сыновнюю тайну узнайте
И о той, что погибла любя,
Небесам и земле передайте.
<1911>

* * *

Горные звезды как росы.
Кто там в небесном лугу
Точит лазурные косы,
Гнет за дугою дугу?

Месяц, как лилия, нежен,
Тонок, как профиль лица.
Мир неоглядно безбрежен.
Высь глубока без конца.

Слава нетленному чуду,
Перлам, украсившим свод,
Скоро к голодному люду
Пламенный вестник придет.

К зрячим нещадно суровый,
Милостив к падшим в ночи,
Горе кующим оковы,
Взявшим от царства ключи.

Будьте ж душой непреклонны
Все, кому свет не погас,
Ткут золотые хитоны
Звездные руки для вас.
<1908>

* * *

"Безответным рабом
Я в могилу сойду,
Под сосновым крестом
Свою долю найду".

Эту песню певал
Мой страдалец-отец,
И по смерть завещал
Допевать мне конец.

Но не стоном отцов
Моя песнь прозвучит,
А раскатом громов
Над землей пролетит.

Не безгласным рабом,
Проклиная житье,
А свободным орлом
Допою я ее.
<1905>

* * *

Любви начало было летом,
Конец - осенним сентябрем.
Ты подошла ко мне с приветом
В наряде девичьи простом.

Вручила красное яичко
Как символ крови и любви:
Не торопись на север, птичка,
Весну на юге обожди!

Синеют дымно перелески,
Настороженны и немые,
За узорочьем занавески
Не видно тающей зимы.

Но сердце чует: есть туманы,
Движенья смутное лесов,
Неотвратимые обманы
Лилово-сизых вечеров.

О, не лети в туманы пташкой!
Года уйдут в седую мглу -
Ты будешь нищею монашкой
Стоять на паперти в углу.

И, может быть, пройду я мимо,
Такой же нищий и худой...

О, дай мне крылья херувима
Лететь незримо за тобой!

Не обойти тебя приветом,
И не раскаяться потом...
Любви начало было летом,
Конец - осенним сентябрем.
<1908>

* * *

Ты все келейнее и строже,
Непостижимее на взгляд...
О, кто же, милостивый боже,
В твоей печали виноват?

И косы пепельные глаже,
Чем раньше, стягиваешь ты,
Глухая мать сидит за пряжей -
На поминальные холсты.

Она нездешнее постигла,
Как ты, молитвенно строга...
Блуждают солнечные иглы
По колесу от очага.

Зимы предчувствием объаты
Рыдают сосны на бору;
Опять глухие казематы
Тебе приснятся ввечеру.

Лишь станут сумерки синее,
Туман окутает реку,-
Отец, с веревкою на шее,
Придет и сядет к камельку.

Жених с простреленною грудью,
Сестра, погибшая в бою,-
Все по вечернему безлюдью
Сойдутся в хижину твою.

А Смерть останется за дверью,
Как ночь, загадочно темна.
И до рассвета суеверью
Ты будешь слепо предана.

И не поверишь яви зрячей,
Когда торжественно в ночи
Тебе - за боль, за подвиг плача -
Вручатся вечности ключи.
<1908, 1911>

* * *

Вы, белила-румяна мои,
Дорогие, новокупленные,

На меду-вине развоженные,
На бело лицо положенные,

Разгоритесь зарецветом на щеках,
Алым маком на девических устах,

Чтоб пригоже меня, краше не было,
Супротивницам-подруженькам назло.

Уж я выйду на широкую гульбу -
Про свою людям поведаю судьбу:

"Вы не зарьтесь на жар-полымя румян,
Не глядите на парчовый сарафан.

Скоро девушку в полон заполонит
Во пустыне тихозвонный, белый скит".

Скатной ягоде не скрыться при пути -
От любви девке сердце не спасти.
<1909>

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

1

Верить ли песням твоим -
Птицам морского рассвета,-
Будто туманом глухим
Водная зыбь не одета?

Вышли из хижины мы,
Смотрим в морозные дали:

Духи метели и тьмы
Взморье снегами сковали.

Тщетно тоскующий взгляд
Скал испытует граниты,-
В них лишь родимый фрегат
Грудью зияет разбитой.

Долго ль обветренный флаг
Будет трепаться так жалко?..
Есть у нас зимний очаг,
Матери мерная прялка.

В снежности синих ночей
Будем под прялки жужжанье
Слушать пролет журавлей,
Моря глухое дыханье.

Радость незримо придет,
И над вечерними нами
Тонкой рукою зажжет
Зорь незакатное пламя.

2

Я болен сладостным недугом -
Осенней, рдяною тоской.
Нерасторжимым полукругом
Сомкнулось небо надо мной.

Она везде, неуловима,
Трепещет, дышит и живет:
В рыбацкой песне, в свитках дыма,
В жужжанье ос и блеске вод.

В шуршанье трав - ее походка,
В нагорном эхо - всплески рук,
И казематная решетка -
Лишь символ смерти и разлук.

Ее ли косы смоляные,
Как ветер смех, мгновенный взгляд...
О, кто Ты: Женщина? Россия?
В годину черную собрат!

Поведай: тайное сомненье

Какою казнью искупить,
Чтоб на единое мгновенье
Твой лик прекрасный уловить?
1910

* * *

В морозной мгле, как око сычье,
Луна-дозорщица глядит;
Какое светлое величье
В природе мертвенной сквозит.

Как будто в поле, мглой объятom,
Для правых подвигов и сил,
Под сребротканым, снежным платом,
Прекрасный витязь опочил.

О, кто ты, родина? Старуха?
Иль властноокая жена?
Для песнотворческого духа
Ты полнозвучна и ясна.

Твои черты январь-волшебник
Туманит вьюгой снеговой,
И схимник-бор читает требник,
Как над умершею тобой.

Но ты вовек неуязвима,
Для смерти яростных зубов,
Как мать, как женщина, любима
Семьей отверженных сынов.

На их любовь в плену угрюмом,
На воли пламенный недуг,
Ты отвечаешь бора шумом,
Мерцаньем звезд да свистом вьюг.

О, изреки: какие боли,
Ярмо какое изнести,
Чтоб в тайниках твоих раздолий
Открылись торные пути?

Чтоб, неизбывная доселе,
Родная сгинула тоска,

И легкозвоннее метели,
Слетала песня с языка?
<1911>

* * *

Я был прекрасен и крылат
В богоотеческом жилище,
И райских кринов аромат
Мне был услудою и пищей.

Блаженной родины лишен
И человеком ставший ныне,
Люблю я сосен перезвон
Молитвословящий пустыне.

Лишь одного недостает
Душе в подветренной юдоли,-
Чтоб нив просторы, лоно вод
Не оглашались стоном боли,

Чтоб не стремил на брата брат
Враждою вспыхнувшие взгляды,
И ширь полей, как вертоград,
Цвела для мира и отрады.

И чтоб похитить человек
Венец Создателя не тщился,
За то, отверженный навек,
Я песнокрылия лишился.
<1911>

* * *

Есть на свете край обширный,
Где растут сосна да ель,
Неисследный и пустынный,-
Русской скорби колыбель.

В этом крае тьмы и горя
Есть забытая тюрьма,
Как скала на глади моря,
Неподвижна и нема.

За оградой высокой
Из гранитных серых плит,
Пташкой пленной, одинокой
В башне девушка сидит.

Злой кручиною объята,
Все томится, воли ждет,
От рассвета до заката,
День за днем, за годом год.

Но крепки дверей запоры,
Недоступно-страшен свод,
Сказки дикого простора
В каземат не донесет.

Только ветер перепевный
Шепчет ей издалика:
"Не томись, моя царевна,
Радость светлая близка.

За чертой зари туманной,
В ослепительной броне,
Мчится витязь долгожданный
На вспененном скакуне".
<1911>

* * *

За лебединой белой долей,
И по-лебяжьему светла,
От васильковых меж и поля
Ты в город каменный пришла.

Гуляешь ночью до рассвета,
А днем усталая сидишь
И перья смятого берета
Иглой неловкою чинишь.

Такая хрупко-испитая
Рассветным кажешься ты днем,
Непостижимая, святая,-
Небес отмечена перстом.

Наедине, при встрече краткой,
Давая совести отчет,

Тебя вплетаю я украдкой
В видений пестрый хоровод.

Панель... Толпа... И вот картина,
Необычайная чета:
В слезах лобзает Магдалина
Стопы пречистые Христа.

Как ты, раскаяньем объята,
Янтарь рассыпала волос,-
И взором любящего брата
Глядит на грешницу Христос.
<1911>

* * *

Весна отсияла... Как сладостно больно,
Душой отрезвися, любовь схоронить.
Ковыльное поле дремуче-раздольно,
И рдяна заката огнистая нить.

И серые избы с часовней убогой,
Понурые ели, бурьяны и льны
Суровым безвестьем, печалию строгой -
"Навеки", "Прощаю",- как сердце, полны.

О мать-отчизна, какими тропами
Бездольному сыну укажешь пойти:
Разбойную ль удаль померить с врагами,
Иль робкой былинкой кивать при пути?

Былинка поблекнет, и удаль обманет,
Умчится, как буря, надежды губя,-
Пусть ветром нагорным душа моя станет
Пророческой сказкой баюкать тебя.

Баюкать безмолвье и бури лелеять,
В степи непогожей шуметь ковылем,
На спящие села прохладой веять,
И в окна стучаться дозорным крылом.
<1911>

* * *

О, ризы вечера, багряно-золотые,
Как ярое вино, пьяните вы меня!
Отраднее душе развалины седые
Туманов - вестников рассветного огня.

Горите же мрачней, закатные завесы!
Идет Посланец Сил, чтоб сумрак одолеть;
Пусть в безднах темноты ликуют ночи бесы,
Отгулом вторит им орудий злая медь.

Звончее топоры поют перед рассветом,
От эшафота тень черней - перед зарей...
Одежды вечера пьянят багряным цветом,
А саваны утра покоят белизной.
<1912>

ЛЕС

Как сладостный орган, десницею небесной
Ты вызван из земли, чтоб бури утишать,
Живым дарить покой, жильцам могилы тесной
Несбыточные сны дыханьем навевать.

Твоих зеленых волн прибой тысячеустный,
Под сводами души рождает смутный звон,
Как будто моряку, тоскующий и грустный,
С родимых берегов доносится поклон.

Как будто в зыбях хвой рыдают серафимы,
И тяжки вздохи их и гул скорбящих крыл,
О том, что Саваоф броней неуязвимой
От хищности людской тебя не оградил.
<1912>

* * *

Я обещаю вам сады...
К. Бальмонт

Вы обещали нам сады
В краю улыбчиво-далеком,
Где снедь - волшебные плоды,
Живым питающие соком.

Вещали вы: "Далеких зла,

Мы вас от горестей укроем,
И прокаженные тела
В ручьях целительных омоем".

На зов пошли: Чума, Увечье,
Убийство, Голод и Разврат,
С лица - вампиры, по наречью -
В глухом ущелье водопад.

За ними следом Страх тлетворный
С дырявой Бедностью пошли,-
И облетел ваш сад узорный,
Ручьи отравой потекли.

За пришлецами напоследок
Идем неведомые Мы,-
Наш аромат смолист и едок,
Мы освежительней зимы.

Вскормили нас ущелий недра,
Вспоил дождями небосклон,
Мы - валуны, седые кедры,
Лесных ключей и сосен звон.
<1912>

* * *

Я молился бы лику заката,
Темной роще, туману, ручьям,
Да тяжелая дверь каземата
Не пускает к родимым полям -

Наглядеться на бора опушку,
Листопадом, смолой подышать,
Постучаться в лесную избушку,
Где за пряжею старится мать...

Не она ли за пряслом решетки
Ветровою свирелью поет...
Вечер нижет янтарные четки,
Красит золотом треснувший свод.
<1912>

* * *

В просинь вод загляделися ивы,
Словно в зеркальцо девка-краса.
Убегают дороги извивы,
Перелесков, лесов пояса.

На деревне грачиные граи,
Бродит сон, волокнится дымок;
У плотины, где мшистые сваи,
Нижег скатную зернь солнопек -

Водянице стожарную кикю:
Самоцвет, зарянец, камень-зель.
Стародавнему верен навьку,
Прихожу на поречную мель.

Кличу девушку с русой косою,
С зыбким голосом, с вишеньем щек,
Ивы шепчут: "Сегодня с красою
Поменялся кольцом солнопек,

Подарил ее зарною кикой,
Заглубил в речном терему..."
С рощи тянет смолой, земляникой,
Даль и воды в лазурном дыму.
<1912>

* * *

Набух, оттаял лед на речке,
Стал пегим, ржаво-золотым,
В кустах затеплилися свечки,
И засинел кадильный дым.

Березки - бледные белички,
Потупясь, выстроились в ряд.
Я голоску веснянки-птички,
Как материнской ласке, рад.

Природы радостный причастник,
На облака молюся я,
На мне иноческий подрясник
И монастырская скуфья.

Обету строгому неверен,
Ушел я в поле к лознякам,

Чтоб поглядеть, как мир безмерен,
Как луч скользит по облакам,

Как пробудившиеся речки
Бурлят на талых валунах,
И невидимка теплит свечки
В нагих, дымящихся кустах.
<1912>

СТАРУХА

Сын обижает, невестка не слушает,
Хлебным куском да бездельем корит;
Чую - на кладбище колокол ухает,
Ладаном тянет от вешних раки.

Вышла я в поле, седая, горбатая,-
Нива без прясла, кругом сирота...
Свесила верба сережки мохнатые,
Меда душистей, белее холста.

Верба-невеста, молодка пригожая,
Зеленю-платом не засти зари!
Аль с алоцветной красою не схожа я -
Косы желтее, чем бус янтари.

Ал сарафан с расписной оторочкою,
Белый рукав и плясун-башмачок...
Хворым младенчиком, всхлипнув над кочкою,
Звон оголосил пролесок и лог.

Схожа я с мшистой, заплаканной ивою,
Мне ли крутиться в янтарь-бахрому...
Зой-невидимка узывней, дремливее,
Белые вербы в кадильном дыму.
<1912>

* * *

Певучей думой обуян,
Дремлю под жесткою дерюгой.
Я - королевич Еруслан
В пути за пленницей-подругой.

Мой конь под алым чепраком,
На мне серебряные латы...
А мать жужжит веретеном
В луче осеннего заката.

Смежают сумерки глаза,
На лихо жалуется прялка...
Дымится омут, спит лоза,
В осоке девушка-русалка.

Она поет, манит на дно
От неги ярого избытка...
Замри, судьбы веретено,
Порвись, тоскующая нитка!
<1912>

* * *

Сготовить деду круп, помочь развесить сети,
Лучину засветить и, слушая пургу,
Как в сказке, задремать на тридевять столетий,
В Садко оборотясь иль в вещего Вольгу.

"Гей, други! Не в бою, а в гусях нам удача,-
Соловке-игруну претит вороний грай..."
С палатей смотрит Жуть, гудит, как било, Лаче,
И деду под кошмой приснился красный рай.

Там горы-куличи и сыченые реки,
У чашек и гагар по мисе яйцо...
Лучина точит смоль, смежив печурки-веки,
Теплыню дышит печь - ночной избы лицо.

Но уж рыжеет даль, пурговою метлицей
Рассвет сметает темь, как из сусека сор,
И слышно, как сова, спеша засесть в дуплище,
Гогочет и шипит на солнечный костер.

Почуя скитный звон, встает с лежанки бабка,
Над ней пятно зари, как венчик у святых,
А Лаче ткет валы размашисто и хлябко,
Теряясь во мхах и далях ветровых.
1912 (?)

* * *

Запечных потемок чурается день,
Они сторожат наговорный кистень,-
Зарыл его прадед-повольник в углу,
Приставя дозором монашенку-мглу.

И теплится сказка. Избе лет за двести,
А все не дождется от витязя вести.
Монашка прядет паутины кудель,
Смежает зеницы небесная бель.

Изба засыпает. С узорной божницы
Взирают Микола и сестры Седмицы,
На матице ожила карлиц гурьба,
Топтыгин с козой - избяная резьба.

Глядь, в горенке стол самобранкой накрыт
На лавке разбойника дочка сидит,
На ней пятишовка, из гривен блесня,
Сама же понурей осеннего дня.

Ткачиха-метель напевает в окно:
"На саван повольнику ткия, рядом,
Лежит он в логу, окровавлен чекмень,
Не выведаль ворог про чудо-кистень!"

Колотится сердце... Лесная изба
Глядится в столетья, темна, как судьба,
И пестун былин, разоспавшийся дед,
Спросонок бормочет про тутошний свет.
<1913>

* * *

Снова поверилось в дали свободные,
В жизнь, как в лазурный, безгорестный путь,-
Помнишь ракиты седые, надводные,
Вздохи туманов, безмолвия жуть?

Ты повторяла: "Туман - настоящее,
Холоден, хмур и зловеще глубок.
Сердцу пророчит забвенья целящее
В зелени ив пожелтевший листок".

Явью безбольною стало пророчество:
Просинь небес, и снега за окном.

В хижине тихо. Покой, одиночество
Веют нагорным, свежительным сном.
<1913>

ОСИНУШКА

Ах, кому судьбинушка
Ворожит беду:
Горькая осинушка
Ронит лист-руду.

Полымем разубрана,
Вся красным-красна,
Может быть, подрублена
Топором она.

Может, червоточина
Гложет сердце ей,
Черная проточина
Въелась меж корней.

Облака по просини
Крутятся в кольцо,
От судины-осени
Вянет деревцо.

Ой, заря-осинушка,
Златоцветный лет,
У тебя детинушка
Разума займет!

Чтобы сны стожарные
В явь оборотить,
Думы - листья зарные -
По ветру пустить.
<1913>

* * *

Я дома. Хмарой-тишиной
Меня встречают близь и дали.
Тепла лежанка, за стеной
Старухи ели задремали.

Их не добудится пурга,
Ни зверь, ни окрик человеческий...

Чу! С домовихой кочерга
Зашепелявили у печи.

Какая жуть. Мошник-петух
На жердке мреет, как куделя,
И отряхает зимний пух -
Предвестье буйного апреля.
<1913>

* * *

Теплятся звезды-лучинки,
В воздухе марь и теплынь,-
Веселы будут отжинки,
В скирдах духмяна полынь.

Спят за омежками риги,
Роща - пристанище мглы,
Будут пахучи ковриги,
Зимние избы теплы.

Минет пора обмолота,
Пуща развихрит листы,-
Будет добычна охота,
Лоски на слищах холсты.

Месяц засветит лучинкой,
Скрипнет под лаптем снежок...
Колобы будут с начинкой,
Парень матер и высок.
<1913>

* * *

Я люблю цыганские кочевья,
Свист костра и ржанье жеребят,
Под луной как призраки деревья
И ночной железный листопад.

Я люблю кладбищенской сторожки
Нежилой, пугающий уют,
Дальний звон и с крестиками ложки,
В чьей резьбе заклатья живут.

Зорькой тишь, гармонику в потемки,
Дым овина, в росах коноплю...

Подивятся дальние потомки
Моему безбрежному "люблю".

Что до них? Улыбчивые очи
Ловят сказки теми и лучей...
Я люблю остожья, грай сорочий,
Близь и дали, рощу и ручей.
<1914>

* * *

Уже хоронится от слезки
Прыскучий заяц... Синь и стыть,
И нечем голые колешки
Березке в изморозь прикрыть.

Лесных прогалин скатеретка
В черничных пятнах, на реке
Горбуньей-девушкою лодка
Грустит и старится в тоске.

Осина смотрит староверкой,
Как четки, листья обронив,
Забыв хомут, пасется Серко
На глади сонных, сжатых нив.

В лесной избе покой часовни -
Труда и светлой скорби след...
Как Ной ковчег, готовит дровни
К веселым заморозкам дед.

И ввечеру, под дождик сыпкий,
Знать, заплутав в пустом бору,
Зайчонок-луч, прокравшись к зыбке,
Заводит с первенцем игру.
<1915>

* * *

Пашни буры, межи зелены,
Спит за елями закат,
Камней мшистые расщелины
Влагу вешнюю таят.

Хороша лесная родина:
Глушь да поймища кругом!..

Прослезилася смородина,
Травный слушая псалом.

И не чую больше тела я,
Сердце - всхожее зерно...
Прилетайте, птицы белые,
Клюйте ярое пшено!

Льются сумерки прозрачные,
Кроют дали, изб коньки,
И березки - свечи брачные -
Теплят листьев огоньки.
<1914>

* * *

Просинь - море, туча - кит,
А туман - лодейный парус.
За окнищем моросит
Не то сырь, не то стеклярус.

Двор - свиное крыло,
Весь в глазастом узорочье.
Судомойня - не село,
Брань - не щекоты сорочьи.

В городище, как во сне,
Люди - тля, а избы - горы.
Примерещилися мне
Беломорские просторы.

Гомон чаек, плеск весла,
Вольный промысел ловецкий:
На потух заря пошла,
Чуден остров Соловецкий.

Водяник прядет кудель,
Что волна, то пасмо пряжи...
На извозчичью артель
Я готовлю харч говяжий.

Повернет небесный кит
Хвост к теплу и водополью...
Я - как невод, что лежит
На мели, изъеден солью.

Не придет за ним помор -
Пододонный полоняник...
Правят сумерки дозор,
Как ночлег бездомный странник.
<1914>

* * *

Талы избы, дорога,
Буры пни и кусты,
У лосинога лога
Четки елей кресты.

На завалине лыжи
Обсушил полудняк.
Снег дырявый и рыжий,
Словно дедов армяк.

Зорька в пестрядь и лыко
Рядит сучья ракиит,
Кузовок с земляникой -
Солнце метит в зенит.

Дятел - пущ колотушка -
Дразнит стуком клеста,
И глухарья ловушка
На сегодня пуста.
1914 или 1915

* * *

На темном ельнике стволы берез -
На рытом бархате девические пальцы.
Уже рябит снега, и слушает откос,
Как skut струю ручья невидимые скальцы.

От лыж неровен след. Покинув темь тущоб,
Бредет опушкой лось, вдыхая ветер с юга,
И таежный звонарь - хохлатая лешуга,
Усевшись на суку, задорно пучит зоб.
<1915>

* * *

Галка-староверка ходит в черной ряске,
В лапотках с оборой, в сизой подпояске.
Голубь в однорядке, воробей в сибирке,
Курица ж в салопе - клеванные дырки.
Гусь в дубленой шубе, утке ж на задворках
Щеголять далось в дедовских опорках.

В галочки потемки, взгромоздясь на жердки,
Спят, нахохлив зобы, курицы-молодки,
Лишь петух-кудесник, запахнувшись в саван,
Числит звездный бисер, чует травный ладан.

На погосте свечкой теплятся гнилушки,
Доплетает леший лапоть на опушке,
Врезжит в осоке проклятый младенчик...
Петел ждет, чтоб зорька нарядилась в венчик.

У зари нарядов тридевять укладок...
На ущербе ночи сон куриный сладок:
Спят монашка-галка, воробей-горошник...
Но едва забрезжит заревой кокошник -

Звездочет крылатый трубит в рог волшебный:
"Пробудитесь, птицы, пробил час хвалебный,
И пернатым брашно, на бугор, на плесо,
Рассыпает солнце золотое просо!"
1914 или 1915

* * *

Сегодня в лесу именины,
На просеке пряничный дух,
В багряных шугаях осины
Умильней причастниц-старух.

Пышной кулича муравейник,
А пень - как с наливкой бутылъ.
В чаще именинник-затейник
Стоит, опершись на костыль.

Он в синем, как тучка, кафтанце,
Бородка - очесок клочок;
О лете - сынке-голодранце
Тоскует лесной старичок.

Потрафить приятельским вкусам
Он ключницу-осень зовет...
Прикутано старым бурнусом,
Спит лето в затишье болот.

Пусть осень густой варенухой
Обносит трущобных гостей -
Ленивец, хоть филин заухай,
Не сгонит дремоты с очей!
<1915>

* * *

В овраге снежные ширинки
Дырявит посохом закат,
Полощет в озере, как в кринке,
Плеща на лес, кумачный плат.

В расплаве мхов и тине роясь,-
Лесовику урочный дар,-
Он балахон и алый пояс
В тайгу забросил, как пожар.

У лесового нос - лукошко,
Волосья - поросли раки...
Кошель с янтарною морошкой
Луна забрезжить норовит.

Зарит... Цветет загозье лыко,
Когтист и свеж медвежий след,
Озерко - туес с земляникой,
И вешний бор - за лаптем дед.

Дымится пень, ему лет со сто,
Он в шапке, с сивой бородой...
Скрипит лощеное бересто
У лаптевяза под рукой.
<1915>

* * *

Лесные сумерки - монах
За узорочным часословом,
Горят заставки на листах

Сурьюмою в золоте багровом.

И богомольно старцы-пни
Внимают звукам часословным...
Заря, задув свои огни,
Тускнеет венчиком иконным.

Лесных погостов старожил,
Я молодею в вечер мая,
Как о судьбе того, кто мил,
Над палой пихтою вздыхая.

Забвенье светлое тебе
В многопридельном хвойном храме,
По мощной жизни, по борьбе,
Лесными ставшая мощами!

Смывает киноварь стволов
Волна финифтяного мрака,
Но строг и вечен часослов
Над котловиною, где рака.
<1915>

* * *

Не в смерть, а в жизнь введи меня,
Тропа дремучая лесная!
Привет вам, братья-зеленя,
Потемки дупел, синь живая!

Я не с железом к вам иду,
Дружась лишь с посохом да рясой,
Но чтоб припасть в слезах, в бреду
К ногам березы седовласой,

Чтоб помолиться лику ив,
Послушать пташек-клирошанок
И, брашен солнечных вкусив,
Набрать младенческих волвянок.

На мху, как в зыбке, задремать
Под "баю-бай" осиплой ели...
О, пуца-матерь, тучки прядь,
Туман, пушистее кудели,

Как сладко брагою лучей

На вашей вечере упиться,
Прозрев, что веткою в ручей
Душа родимая глядится!
<1915>

* * *

Болесть да засуха,
На скотину мор.
Горбась, шьет старуха
Мертвецу убор.

Холст ледащ на ощупь,
Слепы нить, игла...
Как медвежья поступь,
Темень тяжела.

С печи смотрят годы
С карлицей-судьбой.
Водят хороводы
Тучи над избой.

Мертвый дух несносен,
Маета и чад.
Помелища сосен
В небеса стучат.

Глухо божье ухо,
Свод надземный толст.
Шьет, кляня, старуха
Поминальный холст.
<1915>

* * *

(Из цикла "Ленин")

Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в "Поморских ответах".

Мужицкая ныне земля,
И церковь - не наймит казенный,

Народный испод шевеля,
Несется глагол краснозвонный.

Нам красная молвь по уму:
В ней пламя, цветенье сафьяна,-
То Черной Неволи басму
Попрала стопа Иоанна.

Борис, златоордный мурза,
Трезвонит Иваном Великим,
А Лениным - вихрь и гроза
Причислены к ангельским ликам.

Есть в Смольном потемки трущоб
И привкус хвои с костяникой,
Там нищий колодовый гроб
С останками Руси великой.

"Куда схоронить мертвеца",-
Толкует удалых ватага.
Поземкой пылит с Коневца,
И плещется взморье-баклага.

Спросить бы у тучки, у звезд,
У зорь, что румянят ракиты...
Зловещ и пустынен погост,
Где царские бармы зарыты.

Их ворон-судьба стережет
В глухих преисподних могилах...
О чем же тоскует народ
В напевах татарско-унылых?
1918

* * *

Не верьте, что бесы крылаты,-
У них, как у рыбы, пузырь,
Им любы глухие закаты
И моря полночная ширь.

Они за ладьею акулой,
Прожорливым спрутом, плывут;
Утесов подводные скулы -
Геенскому духу приют.

Есть бесы молчанья, улыбки,
Дверного засова, и сна...
В гробу и в младенческой зыбке
Бурлит огневая волна.

В кукушке и в песенке пряжи
Ныряют стада бесенят.
Старушки, костлявые страхи -
Порука, что близится ад.

О, горы, на нас упадите,
Ущелья, окутайте нас!
На тле, на воловьем копыте
Начертан громовый рассказ.

За брашном, за нищенским кусом
Рогатые тени встают...
Кому же воскрылья с убрусом
Закатные ангелы ткут?
1916

* * *

Хорошо ввечеру при лампадке
Погрустить и поплакать втишок,
Из резной низколобой укладки
Недовязанный вынуть чулок.

Ненаеую-гостем за кружкой
Усадить на лежанку кота
И следить, как лучи над опушкой
Догорают виденьем креста,

Как бредет позад дремлющих гумен,
Оступаясь, лохмотница-мгла...
Все по-старому: дед, как игумен,
Спит лохань и притихла метла.

Лишь чулок - как на отмели верши,
И с котом раздружился клубок.
Есть примета: где милый умерший,
Там пустует кольцо иль чулок,

Там божничные сумерки строже,

Дед безмолвен, провидя судьбу,
Глубже взор и морщины... О, Боже -
Завтра год, как родная в гробу!
<1915>

* * *

Бродит темень по избе,
Спотыкается спросонок,
Балалайкою в трубе
Заливается бесенок:

"Трынь да брынь, да
тере-рень..."
Чу! Заутренние звоны...
Богородицына тень,
Просияв, сошла с иконы.

В дымовище сгинул бес,
Печь, как старица, вздохнула.
За окном бугор и лес
Зорька в сыту окунула.

Там, минуючи зарю,
Ширь безвестных плоскогорий,
Одолеть судьбу-змею
Скачет пламенный Егорий.

На задворки вышел Влас
С вербой, в венчике сусальном.
Золотой, воскресный час,
Просиявший в безначальном.
<1915>

* * *

Обозвал тишину глухоманью,
Надругался над белым "молчи",
У креста простодушною данью
Не поставил сладимой свечи.

В хвойный ладан дохнул папиросой
И плевком незабудку обжег.

Зарябило слезинками плесо,
Сединою заиндевел мох.

Светлый отрок - лесное молчанье,
Помолясь на заплаканный крест,
Закатилось в глухое скитанье
До святых, незапятнанных мест.

Заломила черемуха руки,
К норке путает след горностаи...
Сын железа и каменной скуки
Побирает берестяный рай.
Между 1914 и 1916

ПРОГУЛКА

Двор, как дно огромной бочки,
Как замкнутое кольцо;
За решеткой одиночки
Чье-то бледное лицо.

Темной кофточки полоски,
Как ударов давних след,
И девической прически
В полумраке силуэт.

После памятной прогулки,
Образ светлый и родной,
В келье каменной и гулкой
Буду грезить я тобой.

Вспомню вечер безмятежный,
В бликах радужных балконов
И поющих скрипкой нежной
За оградой граммофон,

Светлокрашеную шляпку,
Весел мерную молву,
Рядом девушку-голубку -
Белый призрак наяву...

Я все тот же - мощи жаркой
Не сломил тяжелый свод...
Выйди, белая русалка,
К лодке, дремлющей у вод!

Поплывем мы... Сон нелепый!
Двор, как ямы мрачной дно,
За окном глухого склепа
И зловеще и темно.
<1907>

* * *

Где вы, порывы кипучие,
Чувств безграничный простор,
Речи проклятия жгучие,
Гневный насилью укор?

Где вы, невинные, чистые,
Смелые духом борцы,
Родины звезды лучистые,
Доли народной певцы?

Родина, кровью облитая,
Ждет вас, как светлого дня,
Тьмою крошечной покрытая,
Ждет - не дождется огня!

Этот огонь очистительный
Факел свободы зажжет
Голос земли убедительный -
Всевыносящий народ.
<1905>

НА ЧАСАХ

На часах у стен тюремных,
У окованных ворот,
Скучно в думах неизбежных
Ночь унылая идет.
Вдалеке волшебный город,
Весь сияющий в огнях,
Здесь же плит гранитных холод
Да засовы на дверях.
Острый месяц в тучах тонет,
Как обломок палаша;
В каждом камне, мнится, стонет
Заклоченная душа.

Стонут, бьются души в узах
В безучастной тишине.
Все в рабочих синих блузах,
Земляки по крови мне.
Закипает в сердце глухо
Яд пережитых обид...
Мать родимая старуха,
Мнится, в сумраке стоит,
К ранцу жалостно и тупо
Припадает головой...
Одиночки, как уступы,
Громоздятся надо мной.
Словно глаз лукаво-грубый,
За спиной блестит ружье,
И не знаю я - кому бы
Горе высказать свое.
Жизнь безвинно-молодую
Загубить в расцвете жаль,-
Неотступно песню злую
За спиною шепчет сталь.
Шелестит зловеще дуло:
"Не корись лихой судьбе.
На исходе караула
В сердце выстрели себе
И умри безумно молод,
Тяготенье кончи дней..."
За тюрьмой волшебный город
Светит тысячью огней.
И огни, как бриллианты,
Блесток радужных поток...
Бьют унылые куранты
Череды унылой срок.
<1907>

* * *

Я надена черную рубаху
И вослед за мутным фонарем
По камням двора пройду на плаху
С молчаливо-ласковым лицом.

Вспомню маму, крашеную прялку,
Синий вечер, дрему паутин,
За окном ночующую галку,
На окне любимый бальзамин,

Луговин поемные просторы,
Тишину обкошенной межи,
Облаков жемчужные узоры
И девичью песенку во ржи:

Узкая полосынька
Клинышком сошлась -
Не вовремя косынька
На две расплелась!

Развилась по спинушке,
Как льняная плетъ,-
Не тебе, детинушке,
Девушкой владеть!

Деревца вилавого
С маху не срубить -
Парня разудалого
Силой не любить!

Белая березонька
Клонится к дождю...
Не кукуй, загозынька,
Про судьбу мою!..

Но прервут куранты крепостные
Песню-думу боем роковым...
Бред души! То заводи речные
С тростником поют береговым.

Сердца сон, кромешный, как могила!
Опустил свой парус рыбарь-день.
И слезятся жалостно и хило
Огоньки прибрежных деревень.
<1908>

ОБИДИН ПЛАЧ

В красовитый летний праздничек,
На раскат-широкой улице,
Будет гульное гуляньице -
Пир - мирское столованьице.
Как у девушек-согревушек
Будут поднизи плетеные,

Сарафаны золоченые,
У дородных добрых молодцов,
Мигачей и заливчатчиков,
Перелетных зорких кречетов,
Будут шапки с кистью до уха,
Опояски соловецкие,
Из семи шелков плетеные.
Только я, млада, на гульбище
Выйду в старо-старом рубище,
Нищим лыком опоясана...
Сгомонятся красны девушки,
Белолицые согревушки,-
Как от торопа повального
Отшатятся на сторонущку.
Парни ражие, удалые
За куветы встанут талые,
Притулятся на завалины
Старики, ребята малые -
Диво-дпвное увидючи,
Промежду себя толкуючи:
"Чья здесь ведьма захудалая
Ходит, в землю носом ключючи?
Уж не горе ли голодное,
Лихо злое, подколенное,
Забезало частой рощею.
Корбой темною, дремучею,
Через лягу - грязь топучую,
Во селенье домовитое,
На гулянье круговитое?
У нас время недогуляно,
Зелено вино недопито,
Девушки недоцелованы,
Молодцы недолюбованы,
Сладки пряники не съедены,
Серебрушки недоменяны..."

Тут я голосом, как молотом,
Выбью звоны колокольные:
"Не дарите меня золотом,
Только слушайте, крещеные:
Мне не спалось ночью синею
Перед Спасовой заутреней.
Вышла к озеру по инею,
По росе медвяной, утренней.
Стала озеро выпрашивать,
Оно стало мне рассказывать

Тайну тихую поддонную
Про святую Русь крещеную.
От озерной прибауточки,
Водяной потайной басенки,
Понабережье насупилось,
Пеной-саваном окуталось.
Тучка сизая проплакала -
Зерню горькою прокапала,
Рыба в заводях повиытхла,
На лугах трава повиызябла...

Я поведаю на гульбище
Праздничанам-залихватчикам,
Что мне виделось в озерышке,
Во глуби на самом донышке.
Из конца в конец я видела
Поле грозное, убойное,
Костяками унавожено.
Как на полюшке кровавом
Головами мосты мощены,
Из телес реки пропущены,
Близ сердечушка с ружья паля,
О бока пуля пролятыва,
Над глазами искры сыплются...
Оттого в заветный праздничек
На широкое гуляньице
Выйду я, млада, непутную,
Встану вотдаль немогутною,
Как кручинная кручинушка,
Та пугливая осинушка,
Что шумит-поет по осени
Песню жалкую свирельную,
Ронит листья - слезы желтые
На могилу безымянную".
<1908, 1919>

ГОЛОС ИЗ НАРОДА

Вы - отгул глухой, гремучей,
Обессиленной волны,
Мы - предутренние тучи,
Зори росные весны.

Ваши помыслы - ненастье,
Дрожь и тени вечеров,

Наши - мерное согласие
Тяжких времени шагов.

Прозреается лишь в книге
Вами мудрости конец,-
В каждом облике и миге
Наш взыскующий Отец.

Ласка Матери-природы
Вас забвеньем не дарит,-
Чародейны наши воды
И огонь многоочит.

За слиянье нет поруки,
Перевал скалист и крут,
Но бесплодно ваши стуки
В лабиринте не замрут.

Мы, как рек подземных струи,
К вам незримо притечем
И в безбрежном поцелуе
Души братские сольем.
1910

* * *

Костра степного взвивы,
Мерцанье высоты,
Бурьяны, даль и нивы -
Россия - это ты!

На мне бойца кольчуга,
И, подвигом горя,
В туман ночного луга
Несу светильник я.

Вас, люди, звери, гады,
Коснется ль вещей крик:
Огонь моей лампы -
Бессмертия родник!

Все глухо. Точит злаки
Степная саранча...
Передо мной во мраке
Колелется свеча,

Роняет сны-картинки
На скатертчатый стол -
Минувшего поминки,
Грядущего символ.
1910

* * *

"Не жди зари, она погасла
Как в мавзолейной тишине
Лампада чадная без масла..." -
Могильный демон шепчет мне.

Душа смежает робко крылья,
Недоуменно смущена,
Пред духом мрака и насилья
Мягнется трепетно она.

И демон сумрака кровавый
Трубит победу в смертный рог.
Смутился кубок брачной славы,
И пуст украшенный чертог.

Рассвета луч не обагрят
Вино в бокалах круговых,
Пока из мертвых не восстанет
Гробнице преданный Жених.

Пока же камень не отвален,
И стража тело стережет,
Душа безмолвие развалин
Чертога брачного поет.
1910

ПАХАРЬ

Вы на себя плетете петли
И наостряете мечи.
Ищу вотще: меж вами нет ли
Рассвета алчущих в ночи?

На мне убогая сермяга,
Худая обувь на ногах,

Но сколько радости и блага
Сквозит в поруганных чертах.

В мой хлеб мешаете вы пепел,
Отраву горькую в вино,
Но я, как небо, мудро-светел
И неразгадан, как оно.

Вы обошли моря и сушу,
К созвездьям взвили корабли,
И лишь меня - мирскую душу,
Как жалкий сор, пренебрегли.

Работник родины свободной
На ниве жизни и труда,
Могу ль я вас, как терн негодный,
Не вырвать с корнем навсегда?
<1911, 1918>

* * *

На песню, на сказку рассудок молчит,
Но сердце так странно правдиво,-
И плачет оно, непонятно грустит,
О чем?- знают ветер да ивы.

О том ли, что юность бесследно прошла,
Что поле заплаканно-нище?
Вон серые избы родного села,
Луга, перелески, кладбище.

Вглядись в листопадную странничью даль,
В болот и оврагов пологость,
И сердцу-дитяти утешной едва ль
Почуется правды суровость.

Потянет к загадке, к свирельной мечте,
Вздохнуть, улыбнуться украдкой
Задумчиво-нежной небес высоте
И ивам, лепечущим сладко.

Примнится чертогом - покров шалаша,
Колдуньей лесной - незабудка,
и горько в себе посмеется душа
Над правдой слепого рассудка.

<1911>

* * *

Я пришел к тебе, сыр-дремучий бор,
Из-за быстрых рек, из-за дальних гор,
Чтоб у ног твоих, витязь-схимнице,
Подышать лесной древней силищей!

Ты прости, отец, сына нищего,
Песню-золото расточившего,
Не кудрявичем под гуслирный звон
В зелен терем твой постучался он!

Богатырь душой, певник розмыслом,
Раздружился я с древним обликом,
Променял парчу на сермяжину,
Кудри-вихори на плешь-лысину.

Поклонюсь тебе, государь, душой -
Укажи тропу в зелен терем свой!
Там, двенадцать в ряд, братовья сидят -
Самоцветней зорь боевой наряд...

Расскажу я им, баснослов-баян,
Что в родных степях поредел туман,
Что сокрылися гады, филины,
Супротивники пересилены,

Что крещеный люд на завалинах
Словно вешний цвет на прогалинах...
Ах, не в руку сон! Седовласый бор
Чуда-терема сторожит затвор:
На седых щеках слезовая смоль,
Меж бровей-трущоб вещей думы боль.
<1912>

* * *

Прохожу ночной деревней,
В темных избах нет огня,
Явью сказочною, древней
Потянуло на меня.

В настоящем разуверясь,
Стародавних полон сил,
Распахнул я лихо ферязь,
Шапку-соболь заломил.

Свистнул, хлопнул у дороги
В удалецкую ладонь,
И, как вихорь, звонконогий
Подо мною взвился конь.

Прискакал. Дубровным зверем
Конь храпит, копытом бьет,-
Предо мной узорный терем,
Нет дозора у ворот.

Привязал гнедого к тыну;
Будет лихо али прок,
Пояс шелковый закину
На точеный шеломок.

Скрипнет крашенная ставня...
"Что, разлапушка,- не спишь?
Неспроста повесу-парня
Знают Кама и Иртыш!

Наши хаживали струги
До Хвалынщины подчас,-
Не иссякнут у подруги
Бирюза и канифас..."

Прояснились избенки,
Речка в утреннем дыму.
Гусли-морок, всхлипнув звонко,
Искрой канули во тьму.

Но в душе, как хмель, струится
Вещих звуков серебро -
Отлетевшей жаро-птицы
Самоцветное перо.
<1912>

СВАДЕБНАЯ

Ты, судинушка - чужая сторона,
Что свекровьими попреками красна,

Стань-ка городом, дорогой столбовой,
Краснорядною торговой слободой!

Было б друженьке где волю волевать,
В сарафанах-разгуляне щеголять,

Краснорядцев с ума-разума сводить,
Развеселой слобожанкою прослыть,

Перемочь невыносимую тоску -
Подариться нелюбиму муженьку!

Муж повышпилит булабочки с косы,
Не помилует девической красы,

Сгонит с облика белила и сурьму,
Не обрядит в расписную бахрому.

Станет друженька преклонливей травы,
Не услышит человеческой молвы,

Только благовест учует поутру,
Перехожую волынку ввечеру.
<1912>

* * *

Недозрелую калинушку
Не ломают и не рвут,-
Недорощена детинушку
Во солдаты не берут.

Придорожну скатну ягоду
Топчут конник, пешеход,-
По двадцатой красной осени
Парня гонят во поход.

Раскудрявьтесь, кудри-вихори,
Брови - черные стрижи,
Ты, размыкушка-гармоника,
Про судину расскажи:

Во незнаемой сторонущке
Красовита ли гульба?

По страде свежит ли прохолодь,
В стужу греет ли изба?

Есть ли улица расхожая,
Девка-зорька, маков цвет,
Али ночка непогожая
Ко сударке застит след?

Ах, размыкушке-гармонике
Поиграть не долог срок!..
Придорожную калинушку
Топчут пеший и ездок.
<1912>

ПЛЯСЕЯ

Д е в к а - з а п е в а л о :

Я вечер, млада, во пиру была,
Хмелен мед пила, сахар кушала,
Во хмелю, млада, похвалялася
Не житьем-бытьем - красной удалю.

Не сосна в бору дрожмя дрогнула,
Топором-пилой насмерть ранена,
Не из невода рыба шалая,
Извиваючись, в омут просится,-

Это я пошла в пляску походом:
Гости-бражники рты разинули,
Домовой завыл - крякнул под полом,
На запечье кот искры выбрызнул:

Вот я -
Плясея -
Вихорь, прах летучий,
Сарафан -
Синь-туман,
Косы - бор дремучий!
Пляс - гром,
Бурелом,
Лешева погудка,
Под косой -
Луговой
Цветик незабудка!

П а р е н ь - п р и п е в а л о :

Ой, пляска приворотная,
Любовь - краса залетная,
Чем вчуже вами маяться,
На плахе белолиповой
Срубить бы легче голову!

Не уголь жжет мне пазуху,
Не воск - утроба топится
О камень - тело жаркое,
На пляс - красу орлиную
Разбойный ножик точится!
<1912>

ОТВЕРЖЕННОЙ

Если б ведать судьбину твою,
Не кручинить бы сердца разлукой
И любовь не считать бы свою
За тебя нерушимой порукой.

Не гадалось ставшее мне,
Что, по чувству сестра и подруга,
По своей отдалилась вине
Ты от братьев сурового круга.

Оттого, как под ветром ковыль,
И разлучная песня уныла,
Что тебе побирушки костыль
За измену судьба подарила.

И неведомо: я ли не прав
Или сердце к тому безучастно,
Что, отверженный облик приняв,
Ты, как прежде, нетленно прекрасна?
1910

* * *

На припеке цветик алый
Обезлиствел и поблек -

Свет-детина разудалый
От зазнобушки далек.

Он взвился бы буйной птицей
Цепи-вороги крепки,
Из темницы до светлицы
Перевалы далеки.

Призапала к милой стежка,
Буреломом залегла.
За окованным окошком -
Колокольная игла.

Все дозоры да запоры,
Каземат - глухой капкан...
Где вы, косы - темны боры,
Заряница - сарафан?

В белоструганой светелке
Кто призарился на вас,
На фату хрущата шелка,
На узорный канифас?

Заручился кто от любви
Скатным клятвенным кольцом:
Волос - зарь, малина - губы,
В цвет черемухи лицом?..

Захолонула утроба,
Кровь, как цепи, тяжела...
Помяни, душа-зазноба,
Друга - сизого орла!

Без ножа ему неволя
Кольца срезала кудрей,
Чтоб раздольней стало поле,
Песня-вихорь удалей.

Чтоб напева ветророва
Не забыл крещеный край...
Не шуми ты, мать-дуброва,
Думу думать не мешай!
<1913>

* * *

Осенюсь могильною иконкой,
Накормлю малиновок кутьей
И с клюкой, с дорожною котомкой,
Закачусь в туман вечеровой.

На распутьях дальнего скитанья,
Как пчела медвяную росу,
Соберу певучие сказанья
И тебе, родимый, принесу.

В глубине народной незабытым
Ты живешь, кровавый и святой...
Опаленным, сгибнувшим, убитым,
Всем покой за дверью гробовой.
<1912>

* * *

Чу! Перекатный стук на гумнах,
Он по заре звучит как рог.
От бед, от козней полоумных
Мой вещий дух не изнемог.

Я все такой же, как в столетьях,
Широкогрудый удалец...
Знать, к солнцепеку на поветях
Рудеет утренний багрец.

От гумен тянет росным медом,
Дробь молотьбы - могучий рог.
Нас подарил обильным годом
Сребробородый, древний бог.
<1913>

ПОВОЛЖСКИЙ СКАЗ

Собиралися в ночнину,
Становились в тесный круг.
"Кто старшой, кому по чину
Повести за стругом струг?"

Есть Иванко Шестипалый,
Васька Красный, Кудеяр,
Зауголыш, Рямза, Чалый

И Размыкушка-гусяр.

Стать негоже Кудеяру,
Рямзе с Васькой-яруном!"
Порешили: быть гусяру
Струговодом-большаком!

Он доселе тешил братьев,
Не застаивал ветрил,
Сызрань, Астрахань, Саратов
В небо полымем пустил.

В епанчу, поверх кольчуги,
Оболок Размыка стан
И повел лихие струги
На слободку - Еруслан.

Плыли долго аль коротко,
Обогнули Жигули,
Еруслановой слободки
Не видали - не нашли.

Закручинились орлята:
Наважденье чем избыть?
Отступною данью-платой
Волге гусли подарить...

Воротилися в станица,
Что ни струг, то сирота,
Буруны разъели днища,
Червоточина - борта.

Объявилась горечь в браге.
Привелось, хоть тяжело,
Понести лихой ватаге
Черносошное тягло.

И доселе по Поволжью
Живы слухи: в ледоход
Самогуды звучной дрожью
Оглашают глуби вод.

Кто проведает - учует
Половодный, вещий сказ,
Тот навеки зажалкует,
Не сведет с пучины глаз.

Для того туман поречий,
Стружный парус, гул валов -
Перекатный рокот сечи,
Удалой повольный зов.

Дрожь осоки - шепот жаркий,
Огневая вспышка струй -
Зарноокой полонянки
Приворотный поцелуй.
<1913>

ПЕСНЯ ПОД ВОЛЫНКУ

Как родители-разлучники
Да женитьба подневольная
Довели удала молодца
До большой тоски-раздумьяца!

Допрежь сердце соколиное
Черной немочи не ведало,-
Я на гульбищах погуливал,
Шапки старосте не ламывал.

А теперича я - молодец,
Словно птаха-конопляница,
Что, по зорьке лет направивши,
Птицелову в сеть сгодилася.

Как лихие путы пташицу,
Так станливого молодчика
Завязала и запутала
Молода жена-приданница.
<1913>

РОЖДЕСТВО ИЗБЫ

От кудрявых стружек тянет смолью,
Духовит, как улей, белый сруб.
Крепкогрудый плотник тешет колья,
На слова медлителен и скуп.

Тепел паз, хватисты кокоры,
Крутолоб тесовый шоломок.

Будут рябью писаны подзоры,
И лудянкой выпестрен конек.

По стене, как зернь, пройдут зарубки:
Сукрест, лапки, крапица, рядки,
Чтоб избе-молодке в красной щубке
Явь и сонь мерещились - легки.

Крепкогруд строитель-тайновидец,
Перед ним щепя как письма:
Запоем резная пава с крылец,
Брызнет ярь с наличника окна.

И когда оческами кудели
Над избой вздохнется дымок -
Сказ пойдет о красном древоделе
По лесам, на запад и восток.
1915 или 1916

* * *

Льянокудрых тучек бег -
Перед ведренным закатом.
Детским телом пахнет снег,
Затененный пнем горбатым.

Луч - крестильный образок -
На валежину повешен,
И ребячий голосок
За кустами безутешен.

Под березой зыбки скрип,
Ельник в маревных пленках...
Кто родился иль погиб
В льянокудрых сутеменках?

И кому, склонясь, козу
Строит зорька-повитуха?..
"Поспрошай куму-лозу", -
Шепчет пихта, как старуха.

И лоза, рядясь в кудель,
Тайну светлую открыла:
"На заранке я апрель
В снежной лужице крестила".

<1916>

* * *

Чтобы медведь пришел к порогу
И щука выплыла на зов,
Словите ворона-тревогу
В тенета солнечных стихов.

Не бойтесь хвойного бесследья,
Целуйтесь с ветром и зарей,
Сундук железного возмездья
Взломав упорною рукой.

Повыньте жалости повязку,
Сорочку белой тишины,
Переступи в льняную сказку
Запечной, отрочьей весны.

Дремля присядьте у печурки -
У материнского сосца
И под баюканье снегурки
Дождитесь вещега конца.

Потянет медом от оконца,
Паучьим лыком и дуплом,
И, весь в паучьих волоконцах,
Топтыгин рявкнет под окном.

А в киноваренном озерке,
Где золотой окуний сказ,
На бессловесный окрик - зорко
Блеснет каурый щучий глаз.
1917 (?)

* * *

Из подвалов, из темных углов,
От машин и печей огнеглазых
Мы восстали могучей громов,
Чтоб увидеть все небо в алмазах,
Уловить серафимов хвалы,
Причаститься из Спасовой чаши!

Наши юноши - в тучах орлы,
Звезд задумчивей девушки наши.

Город-дьявол копытами бил,
Устрашая нас каменным зевом.
У страдальческих теплых могил
Обручились мы с пламенным гневом.
Гнев повел нас на тюрьмы, дворцы,
Где на правду оковы ковались...
Не забыть, как с детьми отцы
И с невестою милый прощались...

Мостовые расскажут о нас,
Камни знают кровавые были...
В золотой, победительный час
Мы сраженных орлов схоронили.
Поле Марсово - красный курган,
Храм победы и крови невинной...
На державу лазоревых стран
Мы помазаны кровью орлиной.
Конец 1917 или начало 1918

* * *

В избе гармоника: "Накинув плащ с гитарой..."
А ставень дедовский провидяще грустит:
Где Сирии - красный гость, Вольга с Мемелфой старой,
Божниц рублевский сон, и бархат ал и рыт?

"Откуля, доброхот?" - "С Владимира-Залесска..."
- "Сгорим, о братия, телес не посрамим!.."
Махорочная гарь, из ситца занавеска,
И оспа полуслов: "Валета скозырим".

Под матицей резной (искусством позабытым)
Валеты с дамами танцуют "вальц-плезир",
А Сирия на шестке сидит с крылом подбитым,
Щипля сусальный пух и сетуя на мир.

Кропилом дождевым смывается со ставней
Узорчатая быль про ярого Вольгу,
Лишь изредка в зрачках у вольницы недавней
Пропляшет царь морской и сгинет на бегу.
<1918>

* * *

Я - посвященный от народа,
На мне великая печать,
И на чело свое природа
Мою прияла благодать.

Вот почему на речке-ряби,
В ракидах ветер-Алконост
Поет о Мекке и арабе,
Прозревших лик карельских звезд.

Все племена в едином слиты:
Алжир, оранжевый Бомбей
В кисете дедовском зашиты
До золотых, воскресных дней.

Есть в сивке доброе, слоновье,
И в елях финиковый шум,-
Как гость в зырянское зимовье
Приходит пестрый Эрзерум.

Китай за чайником мурлычет,
Чикаго смотрит чугуном...
Не Ярославна рано кычет
На забороле городском,-

То богоносный дух поэта
Над бурной родиной парит;
Она в громовый плащ одета,
Перековав луну на щит.

Левиафан, Молох с Ваалом -
Ее враги. Смертелен бой.
Но кроток луч над Валаамом,
Целуясь с ладожской волной.

А там, где снежную Печору
Полою застит небосклон,
В окно к тресковому помору
Стучится дед - пурговый сон.

Пусть кладенечные изломы
Врагов, как молния, разят,-
Есть на Руси живые дремы,

Невозмутимый, светлый сад.

Он в вербной слезке, в думе бабьей,
В богоявленье наяву,
И в дудке ветра об арабе,
Прозревшем Звездную Москву.
<1918>

ТРУД

Свить сенный воз мудрее, чем создать
"Войну и мир" иль Шиллера балладу.
Бредете вы по золотому саду,
Не смея плод оброненный поднять.

В нем ключ от врат в Украшенный чертог,
Где слово - жрец, а стих - раджа алмазный,
Туда въезжают возы без дорог
С билетом: Пот и Труд многообразный.

Батрак, погонщик, плотник и кузнец
Давно бессмертны и богам причастны:
Вы оттого печальны и несчастны,
Что под ярмо не нудили крестец,

Что ваши груди, ягодицы, пятки
Не случены с киркой, с лопатой, с хомутом.
В воронку адскую стремясь без оглядки,
Вы Детство и Любовь пугаете Трудом.

Он с молотом в руках, в медвежьей дикой шкуре,
Где заблудился вихрь, тысячелетий страх,
Обвалы горные в его словах о буре,
И кедровая глубь в дремучих волосах.
<1918>

МАТРОС

Грохочет Балтийское море,
И, пенясь в расщелинах скал,
Как лев, разъярившийся в ссоре,
Рычит набегающий вал.

Со стоном другой, подоспевший,

О каменный бьется уступ,
И лижет в камнях посиневший,
Холодный, безжизненный труп.

Недвижно лицо молодое,
Недвижен гранитный утес...
Замучен за дело святое
Безжалостно юный матрос.

Не в грозном бою с супостатом,
Не в чуждой, далекой земле -
Убит он своим же собратом,
Казнен на родном корабле.

Погиб он в борьбе за свободу,
За правду святую и честь...
Снесите же, волны, народу,
Отчизне последнюю весть.

Снесите родной деревушке
Посмертный, рыдающий стон
И матери, бедной старушке,
От павшего сына - поклон!

Рыдает холодное море,
Молчит неприветная даль,
Темна, как народное горе,
Как русская злая печаль.

Плывет полумесяц багровый
И кровью в пучине дрожит...
О, где же тот мститель суровый,
Который за кровь отомстит?
<1918>

ИЗ "КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ"

1

Пусть черен дым кровавых мятежей
И рыщет Оторопь во мраке,-
Уж отточены миллионы ножей
На вас, гробовые вурдалаки!

Вы изгрызли душу народа,

Загадили светлый божий сад,
Не будет ни ладьи, ни парохода
Для отплытья вашего в гнойный ад.

Керенками вымощенный проселок -
Ваш лукавый искаротский путь;
Христос отдохнет от терновых иголок,
И легко вздохнет народная грудь.

Сгинут кровосмесители, проститутки,
Церковные кружки и барский шик,
Будут ангелы срывать незабудки
С луговин, где был лагерь пик.

Бедуинам и желтым корейцам
Не будет запретным наш храм...
Слава мученикам и красноармейцам,
И сермяжным советским властям!

Русские юноши, девушки, отзовитесь:
Вспомните Разина и Перовскую Софию!
В львиную красную веру креститесь,
В гибели славьте невесту-Россию!

2

Жильцы гробов, проснитесь! Близок Страшный суд
И Ангел-истребитель стоит у порога!
Ваши черные белогвардейцы умрут
За оплевание Красного бога,

За то, что гвоздиные раны России
Они посыпают толченым стеклом.
Шипят по соборам кутейные змии,
Молясь шепотком за романовский дом,

За то, чтобы снова чумазый Распутин
Плясал на иконах и в чашу плевал...
С кофейником стол, как перина, уютен
Для граждан, продавших свободу за кал.

О племя мокриц и болотных улиток!
О падаль червивая в божьем саду!
Грозой полыхает стоярусный свиток,
Пророча вам язвы и злую беду.

Хлыщи в котелках и мамыши в батистах,
С битюжьей осанкой купеческий род,
Не вам моя лира - в напевах тернистых
Пусть славится гибель и друг-пулемет!

Хвала пулемету, несытому кровью
Битюжьей породы, батистовых туш!..
Трубят серафимы над буйною новью,
Где зреет посев струннопламенных душ.

И души цветут по родным косогорам
Малиновой кашкой, пурпурным глазком...
Боец узнается по солнечным взорам,
По алому слову с прибойным стихом.
<1918>

* * *

Зурна на зырянской свадьбе,
В братине знойный чихирь,
У медведя в хвойной усадьбе
Гомонит кукуший псалтирь:

"Борони, Иван волосатый,
Берестяный семиглаз..."
Туркестан караваном ваты
Посетил глухой Арзамас.

У кобылы первенец - зебу,
На задворках - пальмовый гул.
И от гумен к новому хлебу
Ветерок шафранный пахнул.

Замесит Орина ковригу -
Квашня семнадцатый год...
По малину колдунью-книгу
Залучил корявый Федот.

Быть приплоду нутром в Микулу,
Речью в струны, лицом в зарю...
Всеплеменному внемля гулу,
Я поддонный напев творю.

И ветвятся стихи-кораллы,
Неявленные острова,

Где грядущие Калевалы
Буревые пожнут слова.

Где совьют родимые гнезда
Фламинго и журавли...
Как зерно залягу в борозды
Новобрачной, жадной земли!
1918 или 1919

* * *

Печные прибои пьянящи и гулки,
В рассветки, в косматый потемочный час,
Как будто из тонкой серебряной тулки
В ковши звонкогорлые цедится квас.

В полях маета, многорукая жатва,
Соленая жажда и сводный пот.
Квасных переплесков свежительна дратва,
В них раковин влага, кувшинковый мед.

И мнится за печью седое поморье,
Гусиные дали и просырь мереж...
А дед запеваает о Храброе Егорье,
Склонив над иглой солодовую плешь.

Неспора починка, и стег неуклюжий,
Да море незримое нудит иглу...
То Индия наша, таинственный ужин,
Звенящий потирами в красном углу.

Печные прибои баюкают сушу,
Смывая обиды и горестей след.
"В раю упокой Поликарпову душу",-
С лучом незабудковым шепчется дед.
1916 (?)

* * *

Вылез тулуп из чулана
С летних просонок горбат:
"Я у татарского хана
Был из наряда в наряд.

Полы мои из Бухары
Род растягайный ведут,
Пазухи - пламя Сахары
В русскую стужу несут.

Помнит моя подоплека
Желтый Кашмир и Тибет,
В шкуре овечьей Востока
Теплится жертвенный свет.

Мир вам, Ипат и Ненила,
Печь с черномазым горшком!
Плеск звездотечного Нила
В шорохе слышен моем.

Я - лежебок из чулана
В избу зазимки принес...
Нилу, седым океанам
Устье - запечный Христос".

Кто несказанное чаает,
Веря в тулупную мглу,
Тот наяву обретает
Индию в красном углу.
1916 или 1917

* * *

Где рай финифтяный и Сирин
Поет на ветке расписной,
Где Пушкин¹ говором просвирен
Питает дух высокий свой,

Где Мей² яровчатый, Никитин³,
Велесов первенец Кольцов⁴,
Туда бреду я, ликом скрытен,
Под ношей варварских стихов.

Когда сложу свою вязанку
Сосновых слов, медвежьих дум?
"К костру готовьтесь спозаранку",
Гремел мой прадед Аввакум.

Сгореть в метельном Пустозерске
Или в чернилах утонуть?
Словопоклонник богомерзкий,

Не знаю я, где орлий путь.

Поет мне Сирин издавеча:
"Люби, и звезды над тобой
Заполыхают красным вечем,
Где сердце - колокол живой".

Набат сердечный чует Пушкин -
Предвечных сладостей поэт...
Как яблоневые макушки,
Благоухает звукоцвет.

Он в белой букве, в алой строчке,
В фазаньи пестрой запятой.
Моя душа, как мох на кочке,
Пригрета пушкинской весной.

И под лучом кудряво-смуглым
Дремуча глубь торфяников.
В мозгу же, росчерком округлым,
Станицы тянутся стихов.
1916 или 1917

* * *

Зима изгрызла бок у стога,
Вспорола скирды, но вдомак
Буренке пегая дорога
И грай нахохленных сорок.

Сороки хохлятся - к капели,
Дорога пегая - быть теплу.
Как лещ наживку, ловят ели
Луча янтарную иглу.

И луч бежит в переполохе,
Ныряет в хвои, в зыбь ветвей...
По вечерам коровьи вздохи
Снотворней бабкиных речей:

"К весне пошло, на речке глыбко,
Буренка чует водополь..."
Изба дремлива, словно зыбка,
Где смолкли горести и боль.

Лишь в поставце, как скряга злато,

Теленье числя и удой,
Подойник с кринкою щербатой
Тревожат сумрак избяной.
<1916>

* * *

Мой край, мое поморье,
Где песни в глубине!
Твои лядины, взгорья
Дозорены Егорьем
На лебеде-коне!

Твоя судьба - гагара
С Кашеевым яйцом,
С лучиною стожары,
И повитухи-хмары
Склонились над гнездом.

Ты посвети лучиной,
Синебородый дед!
Гнездо шумит осиною,
Ямщицкою кручиной
С метелицей вослед.

За вьюжною кибиткой
Гагар нескор полет...
Тебе бы сад с калиткой
Да опашень враскидку
У лебединых вод.

Боярышней собольей
Привиделся ты мне,
Но в сорок лет до боли
Глядеть в глаза сокольи
Зазорно в тишине.

Приснился ты белицей -
По бровь холстинный плат,
Но Алконостом-птицей
Иль вещею зегзицей
Не кануть в струнный лад.

Остались только взгорья,
Ковыль да синь-туман,

Меж тем как редкоборьем
Над лебедем-Егорьем
Орлит аэроплан.
1927

ГИМН ВЕЛИКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

Мы - красные солдаты.
Священные штыки,
За трудовые хаты
Сомкнулися в полки.
От Ладоги до Волги
Взывает львиный гром...
Товарищи, недолго
Нам мериться с врагом!
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
Низвергнуты короны,
Стоглавый капитал.
Рабочей обороны
Бурлит железный вал.
Он сокрушает скалы,
Пристанище акул...
Мы молоды и алы
За изгородью дул!
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
Да здравствует Коммуны
Багряная звезда:
Не оборвутся струны
Певучего труда!
Да здравствуют Советы,
Социализма строй!
Орлиные рассветы
Трепещут над землей.
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
С нуждой проклятой споря,
Зовет поденщик нас;
Вращают жернов горя
С Архангельском Кавказ.
Пшеница же - суставы
Да рабы черепа...
Приводит в лагерь славы
Возмездия тропа.

Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!

За праведные раны,
За ливень кровавой
Расплатятся тираны
Презренной головой.

Купеческие туши
И падаль по церквам,
В седых морях, на суше
Погибель злая вам!

Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!

Мы - красные солдаты,
Всемирных бурь гонцы,
Приносим радость в хаты
И трепет во дворцы.

В пылающих заводах
Нас славят горн и пар...
Товарищи, в походах
Будь каждый смел и яр!

Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!

Под огненное знамя
Скликайте земляков,
Кивач гуторит Каме,
Олонцу вторит Псков:
"За Землю и за Волю
Идет бесстрашных рать..."

Пускай не клянет долю
Красноармейца мать.

Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!

На золотом пороге
Немеркнувших времен
Отпрянет ли в тревоге
Бессмертный легион?
За поединок краткий
Мы вечность обретем.

Знамен палящих складки
До солнца доплеснем!

Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!

<1919>

ЛОВЦЫ

Скалы - мозоли земли,
Волны - ловецкие жилы.
Ваши черны корабли,
Путь до бесславной могилы.

Наш буреломен баркас,
В вымпеле солнце гнездится,
Груз - огнезарый атлас -
Брачному миру рядиться.

Спрут и морской однозуб
Стали бесстрашных добычей.
Дали, прибрежный уступ
Помнят кровавый обычай:

С рубки низринуть раба
В снедь брюхоротым акулам.
Наша ли, братья, судьба
Ввериться пушечным дулам!

В вымпеле солнце-орел
Вывело красную стаю;
Мачты почуяли мол,
Снасти - причальную сваю.

Скоро родной материк
Ветром борта поцелует;
Будет ничтожный - велик,
Нищий в венке запирует.

Светлый восстанет певец
звукам прибором научен
И не изранит сердец
Скрип стихотворных ключин.
<1919>

* * *

Огонь и розы на знаменах,
На ружьях маковый багрец,
В красноармейских эшелонах
Не счесть пылающих сердец!

Шиповник алый на шинелях,
В единоборстве рождена,

Цветет в кумачневых метелях
Багрянородная весна.

За вороньем погоню правя,
Парят коммуны ястреба...
О нумидийской знойной славе
Гремит пурговая труба.

Египет в снежном городишке,
В броневиках - слоновый бой...
Не уживется в душной книжке
Молотобойных песен рой.

Ура! Да здравствует коммуна!
(Строка - орлиный перелет.)
Припал к пурпуровым лагунам
Родной возглаждавший народ.

Не потому ль багрец и розы
Заповлели на штыках,
И с нумидийским тигром козы
Резвятся в яростных стихах!
<1919>

* * *

Братья, мы забыли подснежник,
На проталинке снегиря,
Непролазный, мертвый валежник
Прославляют поэты зря!

Хороши заводские трубы,
Многохоботный маховик,
Но всевластней отрочьи губы,
Где живет исступленья крик.

Но победней юноши пятка,
Рощи глаз, где лешачий дед.
Ненавистна борцу лампадка,
Филаретовских риз глазет!

Полюбить гудки, кривошипы -
Снегиря и травку презреть...
Осыпают церковные липы
Листопадную рыжую медь.

И на сердце свеча и просфорка,
Бересклет, где щебечет снегирь.
Есть Купало и Красная горка,
Сыропустная блинная ширь.

Есть Россия в багдадском монисто,
С бедуинским изломом бровей...
Мы забыли про цветик душистый
На груди колыбельных полей.
<1920>

* * *

Свет неприкосновенный, свет неприступный
Опочил на родной земле...
Уродился ячмень звездистый и крупный,
Румяный картофель пляшет в котле.

Облизан горшок белокурым Васяткой,
В нем прыгает белка - лесной солнцепек,
И пленники - грызь, маета с лихорадкой
Завязаны в бабкин заклятый платок.

Не кашляет хворь на счастливых задворках,
Пуста караулка, и умер затвор.
Чтоб сумерки выткать, в алмазных оборках
Уселась заря на пуховый бугор.

Покинула гроб долгожданная мама,
В улыбке - предвечность, напевы в перстах...
Треух - у тунгуза, у бура - панама,
Но брезжит одно в просветленных зрачках:

Повыковать плуг - сошники Гималаи,
Чтоб чрево земное до ада вспахать,
Леха за Олонцем, оглобли в Китае,
То свет неприступный - бессмертья печать.

Васятку в луче с духовидицей-печкой,
Я ведаю, минет карающий плуг,
Чтоб взросил не меч с сарацинской насечкой -
Удобренный ранами песенный луг.
<1921>

* * *

Солнце Осьмнадцатого года,
Не забудь наши песни, дерзновенные кудри!
Славяно-персидская природа
Взрастила злаки и розы в тундре.

Солнце Пламенеющего лета,
Не забудь наши раны и угли-кровинки,
Как старого мира скрипучая карета
Увязла по дышло в могильном суглинке!

Солнце Ослепительного века,
Не забудь Праздника великой коммуны!..
В чертоге и в хижине дровосека
Поют огнеперые Гамаюны.

О шапке Мономаха, о царьградских бармах
Их песня? О, Солнце,- скажи!..
В багряном заводе и в красных казармах
Роятся созвучья-стрижи.

Словить бы звенящих в построчные сети,
Бураны из крыльев запрячь в корабли...
Мы - кормчие мира, мы - боги и дети,
В пурпурный Октябрь повернули рули.

Плывем в огнецвет, где багрец и рябина,
Чтоб ран глубину с океанами слить;
Суровая пряжа - бессмертных судьбина
Вручает лишь Солнцу горящую нить.
1918

КРАСНАЯ ПЕСНЯ

Распахнитесь, орлиные крылья,
Бей, набат, и гремите, грома,-
Оборвались цепи насилья,
И разрушена жизни тюрьма!
Широки черноморские степи,
Буйна Волга, Урал златоруд,-
Сгинь, кровавая плаха и цепи,
Каземат и неправедный суд!
За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой

Идем мы на битву с врагами,-
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!
Пролетела над Русью жар-птица,
Ярый гнев зажигая в груди...
Богородица наша Землица,-
Вольный хлеб мужику уроди!
Сбылись думы и давние слухи,-
Пробудился народ-Святогор;
Будет мед на домашней краюхе,
И на скатерти яркое узор.
За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,-
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!
Хлеб да соль, Костромич и Волынец,
Олончанин, Москвич, Сибиряк!
Наша Волюшка - божий гостинец -
Человечеству светлый маяк!
От Байкала до теплого Крыма
Расплеснется ржаной океан...
Ослепительней риз серафима
Заревой Святогоров кафтан.
За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,-
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!
Ставьте ж свечи мужицкому Спасу!
Знанье - брат и Наука - сестра,
Лик пшеничный, с бородой солнцевласой -
Воплощение любви и добра!
Оку Спасову сумрак несносен,
Ненавистен телец золотой;
Китеж-град, ладан Саровских сосен -
Вот наш рай вожделенный, родной.
За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,-
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!
Верьте ж, братья, за черным ненастьем
Блещет солнце - господне окно;
Чашу с кровью - всемирным причастием
Нам испить до конца суждено.
За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,-

Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!
1918

* * *

Я потомок лапландского князя,
Калевалов волхвующий внук,
Утолю без настоек и мази
Зуд томлений и пролежни сук.

Клуб земной - с солодягой корчагу
Сторожит Саваофов ухват,
Но, покорствуя хвойному магу,
Недвижим златорогий закат.

И скуластое солнце лопарье,
Как олений, послушный телок,
Тянет желтой морошковой гарью
От колдующих тундровых строк.

Стих - дымок над берестовым чумом,
Где уплыла окунья уха,
Кто прочтет, станет гагачьим кумом
И провидцем полночного мха.

Льдяный Врубель, горячий Григорьев
Разгадали сонник ягелей;
Их тоска - кашалоты в поморьи -
Стала грузом моих кораблей.

Не с того ль тянет ворванью книга
И смолой запятых табуны?
Вашингтон, черепичная Рига
Не вместят кашалотной волны.

Уплывем же, собратья, к Поволжью,
В папирусно-тигриный Памир!
Калевала сродни желтокожью,
В чьем венце ледовитый сапфир.

В русском коробе, в эллинской вазе,
Брежжат сполохи, полюсный щит,
И сапфир самоедского князя
На халдейском тюрбане горит.
<1919>